

В. И. АБАЕВ

СКИФЫ И ОСЕТИНЫ

«Курьер ЮНЕСКО», январь 1977

Скифы как народ не исчезли бесследно с лица земли.

Если вы взглянете на этнографическую карту Кавказа, которая, как известно, отличается исключительной пестротой (свыше 40 народностей), то найдете в ее центральной части небольшой народ, называемый ныне осетинами. Их численность всего около 700 000.

Ученые давно установили, что осетины пришли на Кавказ с севера, из южнорусских степей. В прошлом они назывались аланами. А аланы, по свидетельству историков древности, – скифское племя, жившее у Дона и Азовского моря.

Многовековое, с незапамятных времен, пребывание скифов в Восточной Европе является хорошо установленным фактом.

Широко раскинувшись на смежных территориях Азии и Европы, скифский мир был подобен двуликому Янусу: одним лицом он был обращен на восток, другим – на запад. Эту двуликость давно заметили археологи, изучая материальную культуру скифов. Двусторонние, восточные и западные, связи скифского мира получают теперь решительное подтверждение также в данных языка и мифологии.

Таким образом, история осетин и их языка становится обозримой на протяжении около трех тысячелетий. Этот огромный отрезок можно теперь разделить на два примерно равных периода: 1) от древнейших времен до нашествия гуннов и 2) от нашествия гуннов до нового времени. Первый период можно назвать скифо-европейским, второй – алано-кавказским. Своебразие первого периода определялось контактами с древнеевропейскими (тохарскими, германскими, итальянскими, кельтскими, балтийскими, славянскими) и отчасти угро-финскими народами, своеобразие второго – контактами с кавказскими и тюркскими народами.

Значит ли это, что осетины и их язык являются прямым продолжением тех именно скифов, которые еще во II тысячелетии до н.э. соседили с древнеевропейскими народами? Не обязательно.

Прямыми предками осетин, как это было сказано выше, являются аланы, которым, по заслуживающему доверия свидетельству Диона Кассия и Аммиана Марцеллина, приписывается массагетское, т.е. среднеазиатское происхождение. Каким же образом в осетинском языке могли отложиться элементы, которые мы возводим к скифо-европейским контактам II тысячелетия до н.э.? Нет ли тут противоречия? Думаю, что нет. Надо исходить из допущения, что скифская среда на всем протяжении от Карпат до Алтая была в языковом отношении весьма однородной. Для такого допущения есть все основания. Кочевой быт и условия обширных равнин при крайней подвижности населения и периодических перемещениях на большие расстояния и в разных направлениях приводят к постоянному перемешиванию и унификации языковых признаков. Нельзя не согласиться с теми учеными, которые говорят: этнолингвистическая реконструкция исторического прошлого небольшого народа на Северном Кавказе уводит в такие дали и обретает такие масштабы, которые поражают воображение. Можно сказать, что древняя история не знала другого такого примера...

Во время великого переселения народов в IV-V вв. н.э. часть алан прошла через всю Европу до Франции и Испании. Французское имя Alain, английское Alan – наследие того времени.

Оставшиеся в Восточной Европе аланы продвинулись к предгорьям Кавказа и образовали крупное по тому времени феодальное государство. В X в. аланы приняли христианство. Средневековая Алания поддерживала оживленные сношения с Византией, Грузией, Россией.

Нашествие монголов и походы Тимура имели для алан катастрофические последствия. Часть их погибла в непрерывных войнах. Часть переселилась в Венгрию, где под именем «ясов» еще несколько столетий сохраняла свою этническую самобытность. Часть была вовлечена в монгольские завоевательные походы и рассеялась по чужим землям.

Оставшаяся на Кавказе часть алан оказалась запертой в теснинах Центрального Кавказа.

Невольно сравниваешь обширную территорию от Алтая на востоке до Дуная на Западе, которую занимали скифо-сарматские племена, с некоторыми узкими ущельями, в которых застает осетин XVIII век. Это ли не богатая пища для размышлений о превратностях судьбы! Бывает так, что растение, покрывавшее в прошлом огромные пространства, сохраня-

ется только на небольшом клочке земли. Такова, например, реликтовая сосновая роща в Пицунде, в Абхазии.

Таким вот реликтом скифского мира являются осетины на Кавказе. Что же сохранили они от своего далекого прошлого? Два бесценных сокровища: язык и эпос. Известный немецкий филолог XIX века Якоб Гримм писал: «Наш язык есть также наша история». Осетины с полным правом могут сказать про себя: наш язык и наш эпос – это наша история.

Начнем с языка. Письменных памятников на скифских наречиях до нас не дошло. Но у древних писателей, а еще больше в греческих эпиграфических надписях Северного Причерноморья мы находим много собственных имен, племенных названий и топонимических терминов, принадлежавших тем народам, которых древние знали под именем скифов и сарматов. Не все эти имена и названия удалось пока объяснить. Но если в этой массе терминов есть группа, носящая отпечаток ясной и поддающейся определению языковой индивидуальности, то эта группа иранская. В то же время, если учесть, что скифские племена от глубокой древности проявляли большую подвижность, весьма далеко отходили от остального арийского мира, соприкасаясь со многими народами не только азиатского, но и европейского круга, то можно утверждать с уверенностью, что в их языке должно было выработать с течением времени много своеобразного, отличного от других иранских языков. И мы видим обычно, что там, где скифский язык оказывается оригинальным и противостоит другим известным иранским языкам, он смыкается с осетинским. Как ни скучен имеющийся в нашем распоряжении скифский лексический материал (всего несколько сотен слов-основ), он не оставляет места для какой-либо ошибки или сомнения относительно высказанного.

Процветавшие в Северном Причерноморье, Танайсе, Ольвии, Пантике в V в. до н.э. греческие колонии поддерживали оживленные сношения со скифскими племенами. Некоторые «окультуренные» скифы втягивались в городскую жизнь и занимали различные должности. Надписи прекрасно отражают эту смешанную греко-скифскую жизнь. Бок о бок с чисто греческими именами пестрят повсюду имена скифские. Некоторые из последних своей близостью к осетинскому повергают в изумление.

Могут возразить, что мы слишком мало знаем об укладе жизни носителей рассматриваемых имен. Не совсем так. Ценнейшие описания и сведения Геродота, Страбона, Аммиана Марцеллина и других древних авторов дают достаточно живую картину быта и общественного строя скифов, савроматов (сарматов), массагетов, аллан. Культурные влияния, которым подвергались скифы в греческих колониях, не могли быть на-

столько глубокими, чтобы искоренить унаследованные обычаи и воззрения. Тотемизм, мифологические представления, вера в магическую силу имени, воинственные наклонности – вот что мы находим в скифских именах. Многократно встречающиеся арийские понятия *farna*, *arta*, *xsathra*, с которыми связывалось представление о какой-то возвышенной, всепроникающей, но трудно определимой силе, стоят в абсолютной близости к аналогичным осетинским понятиям: *farn* «благодать», *ard* «священная клятва», *xsar* «военная доблесть»... Хорошо распознаются также такие употребительные осетинские слова, как *furt* «сын», *fida* «отец», *al-dar* (*ardar*) «господин», *liman* «друг», *sar* «голова», *stur* «большой», *andon* «сталь», *sag* «олень»...

Особого внимания заслуживают названия скифских племен

В надписях древнеперсидского царя Дария I скифы называются *saka*. По-видимому, это было одним из их самоназваний. *Saka* сближается с осетинским *sag* «олень» и указывает, что часть скифов именовала себя по имени своего тотемного животного – оленя.

Названия многих скифских племен, по греческим источникам, оканчивались на *ta* (*tai*): савроматы (сарматы), массагеты, саудараты, тиригеты, яksamаты, тиссагеты, сайты и др. Это окончание *ta* (*tai*) сближается с осетинским показателем множественности *ta*, на которое оканчиваются все осетинские родовые наименования.

Некоторые из скифо-сарматских племенных названий имеют целиком осетинский облик. Так, название племени *Saudaratai*, встречающееся в Ольвийских надписях, легко объясняется из осетинского и означает «одетые в черное». Название *Sauromatai* «савроматы», быть может, соответствует осетинскому *Sawarmata*, что означает «смуглорукие». Название же сармат есть, по-видимому, не что иное, как стертая форма названия савромат

У Плиния и Тацита упоминается сарматское племя *Dandarii*. Как уже давно убедительно разъяснено, это название означает «держащие воду», «живущие по реке», ср. осетинское *don* (из *dan*) «река» и *daryn* «держать». Речь идет действительно о племени, жившем по нижней Кубани.

Название одного из сарматских племен роксоланы разъясняется как составное из осет. *roxs* «светлый» и *alan*, букв. «светлые аланы».

Названия двух других сарматских племен, аорсы и сирахи, означают по-осетински, «белые» (*ors*) и «иноходцы» (*sirag*).

Топонимические названия. Давно уже обращено внимание, что название реки Дон (греч. *Tanaïs*) есть не что иное, как осетинское слово *don* «река», «вода» (староосетинское *dan*). Этот же элемент входит в названия Днепра, Днестра, и Дуная.

У нескольких древнегреческих писателей (Пиндара, Еврипида, Страбона) Черное море известно под названием *Pontos Euxeinos*. Слово *axein*, по остроумной догадке немецкого лингвиста Макса Фасмера, есть не что иное, как древнеиранское *axsaina* «темносиний». Так называли Черное море по его цвету иранцы-скифы, от которых это название было воспринято греками. Скифскому обозначению Черного моря точно соответствует осетинское *axsin* «темносерый».

Анонимный греческий автор V в. н.э. сообщает, что город Феодосия в Крыму на местном «аланском или таврском языке» назывался *Ardavda*, что значит «семибожный». Действительно, первая часть названия заключает осетинское *ard*, ныне «клятва», в прошлом культовое понятие – наименование божества, вторая часть соответствует осетинскому *avd* «семь». Осетинский характер названия не вызывает сомнений.

Название другой греческой колонии в Крыму, нынешний Судак, сопоставляется с осетинским *sugdag* «чистый», «священный».

Собственные имена. В Бехистунской надписи персидского царя Дария I (521-485 гг до н.э.) в числе других побежденных Дарием противников упоминается сакский (скифский) вождь *Skunxa*. Тут же на барельефе изображены побежденные враги, в том числе и *Skunxa*. Последний изображен в высокой остроконечной шапке, с длинной бородой.

Имя сближается с осетинским словом *skunxt* «человек, прославленный каким-либо подвигом», «герой».

У греческого писателя Ктесия (V в. до н.э.) упоминается скифская царица Зарина. Это имя звучит вполне по-осетински и означает «золотая» (осет. *zarina*). Ни в одном иранском языке, кроме осетинского, название золота не встречается в такой форме. Ктесий сохранил нам замечательную историю любви царицы Зарини и Стриангия. Нельзя без глубокого волнения читать этот романтический эпос о любви, которая сильнее смерти.

Жена Александра Македонского Роксана, родом из Бактрии, также носит имя, которое из живых иранских языков легче всего разъясняется из осетинского:ср. осет. *roxs* «свет». Таким образом, Роксана значит то же, что русское Светлана.

Не менее яркие реликты скифского мира мы находим в осетинском фольклоре.

Я родился и вырос в среде, где героическая сага была еще живым и цветущим жанром народной поэзии. С детства слушал я увлекательные рассказы о подвигах могучего племени нартов, и прославленные герои этих рассказов – близнецы Хсар и Хсартаг, мудрая мать народа Сатана, ее

брат и супруг Урызмаг, неуязвимые Сослан и Батраз, злокозненный Сыр-дон – казались мне такими же реальными и вечными, как окружающие меня горы.

Впоследствии я стал знакомиться с эпосом и мифологией других народов и мог с новой точки зрения взглянуть на свои национальные легенды и сказания. Эпос, который был до этого составной частью моего субъективного мироощущения, теперь как бы объективировался, я мог посмотреть на него как бы со стороны и сравнить его с другими эпическими памятниками. Такой переход от субъективного к объективному восприятию не бывает очень легким и может принести серьезные разочарования: то, что считалось кровно «своим», национально особенным и неповторимым, могло оказаться лишь вариацией на эпические мотивы других народов. Однако этого не случилось. Самобытность и своеобразие осетинского эпоса таковы, что могут выдержать любые сравнения.

Многие параллели и сопоставления позволяют утверждать с уверенностью, что осетинский Нартовский эпос в своей основополагающей части восходит к скифо-сарматской эпохе и продолжает эпическую традицию этих народов.

Несомненно, с другой стороны, что за прошедшие тысячелетия многое было забыто и утеряно, и то, что осетины сохранили до наших дней, есть не более как руины и фрагменты. Но если даже эти руины поражают своей монументальностью и мощью, то можно представить, какое богатство эпического духа и эпического творчества находилось у истоков нартовской эпопеи – в скифо-сармато-массагетском мире.

К счастью, нам не приходится только строить догадки о существовании скифского эпоса. Геродот и другие античные авторы сохранили нам ряд отрывков и сюжетов, и, как ни скучны эти фрагменты, даже по ним можно думать, что эпическое творчество было ключом на скифской земле. Это прежде всего этногонические легенды: о браке Зевса с дочерью Днепра, о родившемся от этого брака родоначальнике скифов Таргитае, о трех сыновьях Таргитая, от которых произошли три скифских племени (ср. в осетинском эпосе три нартовских рода); другая легенда о происхождении скифов от брака Геракла с полудевой-полузмеей; о происхождении сарматов от брака скифов с амазонками.

Явно фольклорный характер имеет рассказ Геродота о борьбе Кира с массагетской царицей Томирис и рассказ Полиена о походе Дария I против саков, окончившемся неудачей благодаря героизму сакского конюха Сирака, завлекшего персидское войско в безводную пустыню. О романтической любви сакской царицы Зарини и Стриангия в передаче Ктесия мы упоминали выше.

Выдающийся русский филолог Всеволод Миллер и французский ученый Жорж Дюмезиль путем скрупулезного сравнительного анализа вскрыли, что многие нартовские сюжеты находят полную аналогию в быте и обычаях скифов (волшебная чаша, из которой могли пить только самые славные герои; поклонение мечу как богу войны; похоронные обряды осетин и скифов и др.).

Когда сравниваешь Нартовский эпос с аналогичными памятниками других народов, бросается в глаза одна замечательная особенность. Центральной фигурой в нем выступает женщина. Зовут ее Сатана. В мировой народно-эпической поэзии трудно найти женский образ такого масштаба, такой покоряющей художественной силы.

Сатана – душа нартовского общества, мать народа, воспитательница и наставница главных героев Сослана и Батраза, мудрая советчица, могущественная чародейка. К ней сходятся все нити. Без ее участия и совета не обходится ни одно знаменательное событие. Можно мыслить нартов без любого из героев, но нельзя их мыслить без Сатаны.

Совершенно очевидно, что такой образ мог возникнуть только в обществе, где женщина занимала исключительно высокое положение. Таким обществом было, по единодушному свидетельству античных авторов общество сарматов и массагетов. «Сарматы управляются женщинами», – сообщает один древний автор. Сатана стоит в одном ряду со скифскими (сакскими, массагетскими) царицами, вождями народа – Зариной, Амагой, Томирис.

Естественная среда, в которой развертываются события нартовской эпопеи, тоже не имеет, как правило, ничего общего с горами и теснинами современной Осетии. Степные и морские просторы – вот обычная арена подвигов и приключений нартовских героев. Степной ветер веет в сказаниях, в них слышится дыхание необозримых равнин древней Скифии, топот и ржание неисчислимых табунов, проносятся стада оленей, преследуемых неутомимыми охотниками.

Нарты тесно связаны с водной стихией. С владыкой водного царства Донбетром они находятся в родственных отношениях, родоначальница нартов – дочь Донбетра. Все это как нельзя лучше отвечает условиям древней Скифии. Излюбленное животное нартов и скифов – олень. В сказаниях олень часто именуется «восемнадцатирогим» (*æstdæssion*). И вот что любопытно: знаменитые золотые скифские олени, выполненные в зверином стиле, имеют именно восемнадцать отростков на рогах!..

Если на одном фланге скифский мир глубоко вдавался в Среднюю Азию и был хорошо знаком народам Кавказа и Закавказья, то на другом фланге он соседил с европейскими народами. И мы должны быть готовы

к тому, что отдельные мотивы, комбинации и целые сюжетные структуры могли странствовать между скифским и европейским миром и на этой почве возникать мифологические и эпические «изоглоссы», аналогичные изоглоссам, вскрываемым в языке.

Выше мы упоминали, что часть алан в IV веке прошла Западную Европу и поселилась на территории Франции. Видимо, и там они не утратили то свойство души, которое Гете называл Lust zu fabulieren « страсть к сочинительству ». Как показали новейшие исследования, в цикле короля Артура и рыцарей «Круглого стола» есть сюжеты и мотивы, близкие к нартовским. Например, миф о тождестве героя с его мечом нашел яркую и в известной мере неожиданную параллель в далекой от Осетии стране, на кельтской почве. Согласно осетинскому сказанию, Батраз, умирая, просил закинуть его меч в море. Иначе, говорил герой, он не сможет спокойно умереть. Нарты, не будучи в силах справиться с тяжелым мечом, дважды пытались обмануть Батраза, уверяя, что выполнили его просьбу «А какие чудеса вы наблюдали при этом на море?» – спросил Батраз. «Ни каких», – отвечали Нарты. «Значит, вы лжете», – сказал герой и снова велел им бросить меч в море. Наконец Нарты, впряженные сотни быков, кое-как дотащили Батразов меч до моря. И как только меч погрузился в море, оно вззволновалось, стало кроваво-красным. И тогда герой испустил дух.

Легенда о смерти короля Артура повторяет этот рассказ почти во всех деталях. Артуру также нет смерти, пока его славный меч Эскалибур не будет опущен в море. Его также пытаются обмануть, уверяя, что Эскалибур уже заброшен в море. Артур разоблачает ложь и повторно требует выполнить его желание. Лишь когда меч погрузился в море, Артур перешел в царство мертвых. Герой и его меч уходят из мира одновременно...

Так, язык и фольклор небольшого кавказского народа – осетин – через века и тысячелетия донесли до нас то, чего не сохранили никакие исторические летописи и документы: звуки и образы древнего, неповторимо своеобразного мира скифов, сарматов и алан.

SCYTHIANS AND OSSETIANS**SUMMARY**

The Scythians as folk did not disappear without leaving a trace. Their long stay in East Europe is well known fact. Having stretched broadly on adjacent territories of the Asia and Europe, the Scythian world was like bifacial Yanusus: by one face it looked on Orient, by the other – on West. The archeologists long ago noticed this fact while studying the material culture of the Scythians. Bilateral relationship of the Scythian world get now resolute acknowledgement in language data and mythology too.

The Greek colonies that prospered in Northern Black Sea Coast, Tanais, Olbia, Pantikapey in V. c. B. C. supported intensive relations with Scythian tribes. Some “cultured” Scythians were embroiled in town life and occupied the different job titles. The inscriptions beautifully reflect this mixed Greek Scythian life. The Scythian names strike the eye side by side with purely Greek names all over there. Some of the last amazingly knock down by their similarity to Ossetian.

The scientists have long ago found out that the Ossetians came to the Caucasus from the North, from South Russian steppes. In past they were identified as the Alans. But the Alans, on evidence of the historians of antiquity were the Scythian tribe that lived near Don and Azov Sea.

Some of the Scyth-Sarmatian tribal names have the Ossetian form entirely. The name of the tribe Saudaratai in Ossetian means “dressed in black”. The name Sauromatai “Savromats”, corresponds probably to the Ossetian Sawarmata that means “black handed”. The name Sarmat is nothing else than erased form of the name Savromat and etc.

Many parallels and collations allow us to confirm with confidence that Ossetian Nart epos in its background part corresponds to Scythian-Sarmatian epoch and continues the epic tradition of these folks.

A great deal of material was forgotten and lost for passed millenniums, and what Ossetians have saved till our days, is not more as ruins and fragments. But if even these ruins strike by their greatness and power, it's possible to imagine what great spirit and creative activity lied in the foundation of the Nart epos – in Scyth-Sarmat-Massaget world.